PG
3337
.M484M3

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Meshchevskiĭ, Aleksandr Ivanovich
Mar'ina roshcha

МАРЬИНА РОЩА

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

А. М.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи

1818 года.

PG3337
.M484A3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 1818 года. Іюля 12 дня.

Цензоръ Статскій Совѣт. и Кавалеръ
Г. Яценковъ.

МАРЬИНА РОЩА.

Вечернее солнце, въ потокѣ играя,
Бросало багрянецъ на свѣтлыхъ зыбяхъ;
И холмъ и дуброва и теремъ Рогдая,
За тыномъ зубчатымъ—тонули въ волнахъ.

Задумчивъ — къ потоку Усладъ приближался,
Любовь и веселье красавицъ села;
Родными брегами Москвы (*) любовался,
Гдѣ юность златая пѣвца протекла.

Окрестность одѣта была тишиною....
Лишь иволги пѣснью, какъ стономъ ручья,
Вдали прерывалось молчанье порою,
Иль громкимъ раскатомъ въ глуши соловья.

(*) Рѣка Москва.

Иль, изрѣдка, кроликъ, гость робкій дубровы,
Испуганный легкимъ въ травѣ вѣтеркомъ,
Кидался въ кустарникъ — какъ, слыша кликъ псовый,
Кидается серна въ дуброву шайкомъ.

Съ мечтой о минувшемъ, тропою игривой,
Развѣсистыхъ вязовъ Усладъ шелъ въ тѣни,
И думалъ: умчался ты, возрастъ счастливой,
Дни первыхъ восторговъ, крылатые дни!...

Опъ дѣтства знакомый пошокъ не смутился,
И прежней дуброва цвѣтетъ красотой,
Но, сладкій мой жребій! какъ ты измѣнился!
Какъ рано я счастья простился съ мечтой!
Какъ прежде румяной денницы дыханье

Съ душистыя липы свѣваетъ сопы;
Тѣжъ изолги пѣсни и горлицъ стенанье
Несутся дремучихъ дубровъ съ высоты....

Но липой цвѣтущей кто прежде плѣнялся,
Задумчивый, пѣснямъ внималъ соловья,
При шумѣ потока живѣй наслаждался
Красою творенья, красой бытія—

Тотъ съ жизненнымъ утромъ угасъ безъ возврата!...
И блѣдны ланиты, и смутно чело,
Во взорахъ потухшихъ — благъ милыхъ утрата....
И сладость улыбки—тоской унесло!...

Ручей придорожный, журча и сверкая,
Внезапно разрушилъ Услада мечты;
Внезапно увидѣлъ онъ шеремъ Рогдая,
Могучаго стража крутой высоты.

Послѣдній лучь солнца на кровлѣ тесовой,
На остріяхъ тына, мерцая, игралъ;
И вечера сумракъ, лежалъ надъ дубровой:

Лишь теремъ Рогдая, возвышенъ блисталъ ....

И взоръ сладкопѣвца къ нему устремился!
Марія! воззвалъ онъ—и руки крестомъ
Сложилъ молчаливый....взоръ свѣтлый затмился ...
И сумракомъ теремъ одѣлся кругомъ!

Воспитанный нуждой, но въ лонѣ слободы,
Прелестный душею, прелестенъ въ чертахъ,
И, счастья въ замѣну, дары взявъ природы,
Усладъ голосистый въ незвучныхъ стихахъ

Пѣлъ радости хижинъ, безвѣстности сладость,
Пѣлъ горлицъ дубровныхъ любовь и тоску,
Пѣлъ возрастъ веселій—безпечную младость....
Знакомыя рощи, родную рѣку,

Съ добычною сѣтью прибрежные челны,
Веселыхъ, содружныхъ при нихъ рыбарей . . . .
И сельскія дѣвы, вниманія полны
Къ согласію пѣсни, къ искусству рѣчей,

Невольно сердцами дѣлились съ Усладомъ!
Пѣвца называли своимъ соловьемъ;
Дарили улыбкой, чувствительнымъ взглядомъ,
Въ которомъ блаженство любови мы пьемъ!

Иль въ вечеръ румяный, простертый на брегѣ,
Со взоромъ, вперенным на зыбкій кристалъ,
Усладъ—молчаливый, въ задумчивой нѣгѣ,
Стенящей свирѣлью зарю провожалъ!

Зимой, въ посидѣлкахъ красавицамъ были,
Подъ-часъ небылицы, разсказывалъ онъ—
Какъ чуждыя рати на Русь находили

Съ огнемъ и булатомъ отъ дальнихъ сторонъ;

Какъ Муромецъ сильный съ могучимъ Добрыней,
Дружины невѣрныхъ громили въ бояхъ;
Разсказывалъ сказки, какъ горы Горыней,
И дубы Дубыней дробилися въ прахъ.

Красавицы въ играхъ бывали рѣзвѣе,
Когда ихъ дѣлили съ любезнымъ пѣвцомъ,
Ни съ кѣмъ въ хороводы не шли веселѣе,
Какъ съ добрымъ Усладомъ—забавъ ихъ творцомъ.

Какъ Майское утро, Усладъ былъ прекрасенъ;
Какъ роза—ланиты, снѣгъ лилій—чело;
Взоръ сердца предатель, спокоенъ и ясенъ—
Незнатности счастье въ улыбкѣ цвѣло!

Но, чаще подружекъ, Марія младая
Дарила Услада улыбкой златой....
И взоры привѣтны отвѣтомъ встрѣчая,

Плѣнялась не внятной — но сладкой мечтой.

Съ пятнадцатой дѣва проснулась весною,
Но, сердцемъ — младенецъ, съ златымъ мотылькомъ
Кружилась въ долинѣ — и, съ сладкой тоскою
Участокъ любови былъ ей незнакомъ.

Подъ кровомъ наслѣднымъ, на материнемъ лонѣ,
Какъ поля фіялка Марія цвѣла,
И хижинубъ счастья, богатой коронѣ,
Ни пышнымъ чертогамъ въ размѣнъ не дала.

Усладомъ плѣнившись, она не забыла
Малиновки, пѣвчей подруги своей,
Ни юныхъ березокъ, которыхъ взрастила,
Ни ландыша—гостя съ сосѣднихъ полей.

Но юноша, прежде веселый, счастливой,
Маріею полный—веселья удѣлъ

Смѣнилъ на разсвѣтѣ тоской молчаливой,
И въ пѣсняхъ лишь нужды сердечныя пѣлъ.

Съ сопутной мечтою, мукъ сладкихъ въ томленьи,
Онъ видѣлъ Марію, склоняясь ко сну;
Онъ видѣлъ Марію въ златомъ сновидѣньи —
Былъ съ нею — чуть утро засвѣтитъ волну

И юнымъ багрянцемъ одѣнутся горы!
Въ разлукѣ—задумчивъ пѣвецъ былъ младой;
Задумчивъ былъ — вмѣстѣ; и дѣвственны взоры,
Привѣтны и ясны, встрѣчалъ онъ съ тоской.

Марія вздыхала....унынье Услада
И говоръ мучитель потухшихъ очей,
Нѣмая бесѣда, доселѣ отрада
Любви посвященныхъ, крылатыхъ ночей,

Ланитныя розы ея измѣнила!

Когда же съ любовью — къ ней юноши взглядъ
Летѣлъ воспламененный,—Марія шверди-ла
„Ты все мое счастье и радость Усладъ!“

Младой сладкопѣвецъ свирѣли игрою,
(Какъ вечеръ румяный въ волнахъ догоралъ,)
Минувшихъ веселій обнявшись съ мечтою,
Однажды потоку тоску повѣрялъ.

Марія услышавъ знакомые звуки,
На свѣтлый, прибрежный пошла студенецъ—
Сравнялась съ Усладомъ: „что тайныя муки,
„Что горя виною, пригожій пѣвецъ?“

И травчатый съ другомъ коверъ раздѣлила,
Пѣвца окружила лилейной рукой,
Любви поцѣлуемъ его подарила,
И къ дѣвственной груди приникла главой!

Въ глубокомъ безмолвьи дремала природа,
Алѣющій вечеръ прохладой дышалъ;
Спокойныя зыби лазурнаго свода
И зелень дубровы—потокъ отражалъ,

И сладко лобзались вечернія волны
Съ игривымъ окрестнымъ долинъ вѣтеркомъ,
И Маткиной-душки дыханіемъ полны
Прибрежныя рощи боролись со сномъ!...

„Марія! давно бы я тайныя муки
И тяжкую думу надеждой смѣнилъ....
Но сердце—вѣщунъ мой! терзанья разлуки
И горькія слезы мнѣ жребій судилъ!...

Съ тобой ли, о другъ мой, минута блаженства,
Когда ты на брегъ сей за свѣтлой водой
Явилась, какъ Ангелъ, примѣръ совершенства,
Когда я на вѣки утратилъ покой? . . .

Зеленой березы въ тѣни—ты внимала,
Какъ въ рощѣ вечерній свисталъ соловей . . .
И легкая дума чело отѣняла—
И сладокъ былъ сумракъ прелестныхъ очей! . . .

И зноемъ палимый, и мучимый жаждой,
Я шелъ съ поклоненья останкамъ святыхъ;
Изъ рукъ пилъ Маріи . . . и съ каплею каждой
Любовь пилъ къ прелестной, въ надеждахъ злашыхъ!

Съ той самой минуты — желаній предмѣтомъ
Сокровищемъ страсти Марія была!
И жизни Услада съ щастливымъ разсвѣтомъ,
Грядущимъ блаженствомъ душа зацвѣла!

Прекрасный міръ-Божій — тобой обновился!

Что радуетъ душу—то полно тобой!
Въ тебѣ я—творенья красою плѣнился!
Ты всюду мой спутникъ, хранитель святой!

Твой голосъ—дубровныхъ пѣвицъ воркованье!
Походка игривой весны вѣтерокъ!
Дыханье—душистой фіялки дыханье!
Взоръ—златомъ денницы зажженный поток!

Просвѣтитъ ли мѣсяцъ сквозь чащу дубровы:
Въ дрожащемъ мерцаньи Марію я зрю!
Заря ли проглянетъ на сельскіе кровы:
Съ мечтой о Маріи встрѣчаю зарю!

Иль въ часъ—какъ одѣта вечернимъ сіяньемъ,
У хижины пѣсни ты вторишь свои —
Мечтаю источникъ, съ унылымъ журчаньемъ
Катящій въ душистой полянѣ струи!

Но, другъ мой, что въ мірѣ по сердцу сравняю
Съ моею любовью, съ красою твоей?
Ахъ! чуждъ я сокровищь—и чуждъ быть желаю!
Сокровище сердца—въ Маріи моей! "

Вздохъ бѣлыя груди — былъ сердца отвѣтомъ;
Сильнѣе Марія пѣвца обняла ....
Ланиты пылали — блаженства привѣтомъ ....
Нѣмая, всю тайну души изрекла!

—Марія, быть можетъ, насъ ждетъ съединенье!
Но-прежде въ разлукѣ шесть лунъ протекутъ;
О! памятуй друга! жизнь—злое мученье,
Коль въ сердцѣ, намъ миломъ, утраченъ пріютъ.

Какъ мѣсяцъ освѣтитъ окрестности холмы,
(Надъ кровлей Рогдая блеснула луна!)

Когда озлатятся струистыя волны,
Ты придешь на брегъ сей — Усладомъ полна ....

Душа его будетъ летать надъ тобою!
Гласъ вѣрнаго сердца въ ночномъ вѣтеркѣ
Сольется, Марія, съ твоею душою ....
Тѣнь друга — ты въ сладкой обымешь тоскѣ!"

Марія рыдала, Усладу внимая,
Грядущаго думой невнятно томимъ,
Взоръ бросилъ онъ робкій на теремъ Рогдая:
Зловѣщая туча носилась надъ нимъ.

Предтечей печальныхъ событій Услада! . . .
—О! что принесешь ты, грядущаго даль?
Мечталъ сладкопѣвецъ; Усладуль награда
За пламень чистѣйшій — убійца-печаль?" . . .

И—огненной тучи браздой раздвоилась....
И облаки, вспыхнувъ, потухли во мглѣ!
Тоскою Услада душа омрачилась,—
И вѣщая дума легла на челѣ!...

Съ боязнью Марія на тучу взирала,
Какъ будто искала въ ней молній слѣдовъ....
Прости! поцѣлуемъ Усладу сказала,
Вздохнула и скрылась въ родительскій кровъ.

До поздняго мрака Усладъ голосистой
Близь хижины грустной Маріи сидѣлъ;
Тамъ долго, въ лампадѣ, предъ ликомъ пречистой
Оголь полуночной молитвы горѣлъ!

Марія въ моленьи искала отрады....
Свѣтъ брезжетъ и гаснетъ предъ ликомъ святымъ!...
И мнится Усладу, что съ свѣтомъ лампады,
Простился на вѣки онъ съ счастьемъ своимъ!

Уже не застала Услада денница
На красныхъ родимыхъ Москвы берегахъ;
И два дни Марія грустна, блѣднолица,
Тоску изливала въ горючихъ слезахъ!

На третій—выходитъ на ключь за водою....
Вдругъ витязь предъ нею—всѣхъ витязей страхъ!
Подъ сѣтчатымъ шлемомъ, подъ свѣтлой бронёю,
И съ кожею вепря на сильныхъ плечахъ!

Величественъ станомъ и грозенъ чертами,
Стоялъ онъ, на мечь свой опершись рукой;
И впалыя очи густыми бровями,
Всклокоченны щеки скрывались брадой!

Къ Маріи съ вопросомъ нашъ витязь суровый:
Какъ дѣвицѣ имя? далеко ли дворъ?—
Марія вздрогнула, гласъ слыша громовый;

Потупила въ землю боязненный взоръ,

И серной помчалась.... и витязь ей
слѣдомъ!
То былъ ратобоецъ могучій Рогдай!
Онъ теремъ порѣчный, покинутый дѣ-
домъ,
И, жатвой обильный прибрежія край,

Наслѣдіемъ принялъ за доблести въ
бояхъ.
Великій Новгородъ могучій спасалъ
Опиъ жребія дани—и въ вражескихъ вояхъ
Булатныя мышцы прозванье стяжалъ,

Жестокаго сердца прозванье—въ на-
родѣ!
Бездомье вдовицы, младенчества стонъ—
Все чуждымъ казалось Рогдаю въ при-
родѣ!
Безчувствіе—славы его былъ законъ!

Убивъ на потѣхѣ посадника града,
Пустился онъ въ Кіевъ, чтобъ сильный
Илья,

Чурила, Добрыня, престола ограда,
Пріяли пришельца въ сорашны друзья.

Рогдай въ перепутьи, средь краснаго лѣта,
Свой теремъ наслѣдный увидѣть желалъ,
Въ которомъ провелъ онъ младенчески лѣта
И боевъ грядущихъ грозой возрасталъ.

Два дни, по уходѣ Услада, явился
Рогдай на знакомыхъ Москвы берегахъ,
И каменный витязь, о чудо! плѣнился,
Съ любовію встрѣтясь Маріи въ чертахъ.

День каждый свиданье, любви разговоры,
Любви увѣренья въ угрюмыхъ устахъ!
И, робко склонялись Маріины взоры,
Читая волненье пришельца въ очахъ!

Впервые онъ голосъ смягчилъ громозвучный,

И прелесть улыбки впервые позналъ!
Съ мечтой объ Маріи вездѣ неразлучный,
Онъ дѣву на брегѣ потока искалъ—

Искалъ и въ селеньи и въ чащѣ дубровы!
Угрюмый—для милой Маріи шутилъ;
Всходилъ на бесѣды подъ сельскіе кровы,
И рѣзвыхъ красавицъ забавы дѣлилъ.

День каждый къ Маріи дары отъ Рогдая!
То нити жемчужны, то перстень златой,
То свѣтлыя серги, то лента цвѣтная,
То платъ подъ узоромъ, съ богатой каймой!

—Марія! ей витязь суровый вѣщаетъ—
Марія! за сердце—ты сердце отдай!
Богатство безъ смѣты тебя ожидаетъ:
Маріи—мой теремъ и дѣдовскій край!

Возьму тебя въ Кіевъ престольный съ собою,
Владиміра Князя тебѣ покажу!

Тамъ юношей красныхъ ты будешь душою,
Тамъ первыхъ красавицъ тобой приструю!

Тамъ ты богатырски увидишь потѣхи —
Дружины могучихъ на рьяныхъ коняхъ;
Увидишь ихъ крѣпки, блестящи доспѣхи:
Мечи ихъ и копья — противниковъ страхъ!„

Чтожъ сердце Маріи?...оно ей твердило:
Вѣрна будь Усладу! Усладомъ живи!
Я съ златомъ Рогдая тебя не дружило—
Оно не порукой за счастье любви! . . . .

Но горе! мечтаній погибельныхъ полный,
Разсудокъ, чаруетъ—и сердце молчитъ!
Источникъ свиданья, свидѣтель безмолвный
Маріиной страсти—былъ скоро забытъ!

Въ душѣ непорочной родилось стремленье
Къ богатству и блеску, къ побѣдамъ красы....
Умчалися клятвы—какъ сна привидѣнье!
И первыхъ восторговъ забыты часы!

И счастье Услада—добычей Рогдая!...
Марія! Марія! что бѣдный пѣвецъ,
Съ надеждами страсти отчизну встрѣчая,
За вѣрность въ разлукѣ найдетъ наконецъ?...

Поруганы клятвы и слезы утраты!
Увы! заблужденье какъ сонъ улетитъ—
И, счастья въ замѣну — мы горемъ богаты....
Но сердце, Марія, мечтѣ не проститъ!

Ужь къ отческимъ рощамъ Усладъ приближался;
Ужь теремъ Рогдая онъ видѣлъ вдали;
Надъ кровлями хижинъ дымъ тонкій взвивался,

И утра зефиры на встрѣчу несли

Фіялокъ и липы знакомой дыханье.
Душа, нетерпѣнья, любови полна,
Въ восторгѣ мечтала о сладкомъ свиданьѣ
Съ той, сердце кѣмъ дышитъ, кѣмъ жизнь лишь красна.

Пѣвца въ перепутьи — пастухъ шелъ со стадомъ
И утренней пѣснью холмы оглашалъ —
—Страдалецъ! (воскликнулъ онъ, вспрѣтясь съ Усладомъ)
На горе къ брегамъ ты роднымъ поспѣшалъ! . . . "

На горе?...окончи привѣта мученье!—
—О! много, товарищь, воды утекло
Съ тѣхъ поръ какъ покинулъ ты наше селенье!
Какъ пташку, Марію твою занесло

Отъ матерней кровли, подъ кровлю Рогдая!

Ты плачешь.... товарищь! Миръ сердца
съ тобой!—
И, раннюю пѣсню свою напѣвая,
Со стадомъ сокрылся пастухъ за горой.

Недвиженъ и блѣденъ, какъ громомъ
убитый,
Стоялъ надъ потокомъ печальный Усладъ;
Сводъ чистаго неба, въ кристалѣ развитый,
И вязовъ надбрежныхъ плѣнительный
рядъ

Тоской омраченныхъ очей не ласкали!
Свиспя жаворонокъ кружился надъ нимъ,
Съ долинъ аромапы на встрѣчу дышали:
Пѣвецъ надъ потокомъ стоялъ не движимъ.

Заря пробудилась.... и солнце взыграло!
И теремъ Рогдая вдали заблисталъ!
Тамъ — блага минувши! Усладу сказало
Печальное сердце—пѣвецъ зарыдалъ.

Власами Маріи его оплетенный,
Снялъ ландышей съ груди засохшій пучокъ,
Залогомъ свиданья ему подаренный—
И памятникъ бросилъ въ шумящій потокъ.

— Будь въ долѣ высокой счастлива, Марія!
Страдалецъ твой страстный тебя не клянетъ!
Но, отчая кровля, долины родныя!
Услада на вѣки для васъ уже нѣтъ!...

Печаленъ, отчизну пѣвецъ покидаетъ.
Ужь осень съ суровой зимою прошли:
Безъ мира изгнанникъ въ чужбинѣ блуждаетъ—
Нѣтъ спутнаго сердца ему на земли!...

Но сердце, съ которымъ, пѣвецъ, ты дѣлился
Веселъемъ и горемъ—ужель не съ тобой?
Но, образъ Маріи? Ужель онъ простился
На вѣки съ холодной Услада душой?...

Бѣги, сладкопѣвецъ....любовь — за тобою!
Спасенье бездомья и злой нищеты:
Всѣ пѣсни—въ сговорѣ съ любовью одною!
Всѣ—полны минувшихъ восторговъ мечты!

—Нѣтъ, бѣдное сердце! Усладъ восклицаетъ—
Ты страждешь....Марію на помощь зови!
Твой жребій повсюду тебя обрекаетъ:
Увянуть въ страданьи, угаснуть въ любви!

Нѣтъ! родины милой Усладъ не забудетъ!
Все было тамъ другомъ веселій его!
Все скорби сердечной повѣреннымъ будетъ!...
Марія для взора мертва моего—

Но сердце—незримой забыть неумѣетъ!

Утраченной—образъ мнѣ ночь принесетъ;
Мнѣ—утра въ дыханьи гласъ дружній повѣетъ
И въ грустную душу отраду прольетъ;

Зефиромъ, который кудрями играетъ
На персяхъ Маріи—я буду дышать;
И долъ, гдѣ въ мечтаньяхъ Марія блуждаетъ—
Слезами отрадной тоски орошать.

Увидя въ свѣтлицѣ, порой полуночной,
Лампаду, возженну предъ Дѣвой Святой!
О счастіи жизни ея непорочной
Молиться съ ней буду— съ отверзстой душой!

Такъ, отческій край мой! вы, рощи родныя,
Знакомые холмы, златые луга,
Долины цвѣтущи, дубровы густыя,
Москвы тихоструйной зелены брега—

Къ вамъ страждущій другъ вашъ о-
пять возвратится!...
На вашемъ я лонѣ узрѣлъ бытіе—
Съ любовью послѣдній вамъ вздохъ по-
святится:
Цвѣло—и увяло веселье мое!...

Денница просвѣтитъ! касатки-пѣ-
вицы
Въ поднебесьи щебетъ какъ ключь за-
журчитъ—
Ты выглянешь въ поле изъ оконъ свѣт-
лицы—
Услышишь какъ осень дубровой шу-
митъ....

И, грустная скажешь: что рано пу-
стилась
Летунья—пѣвица поднебесья въ путь?
Что—рано доброва красой обнажилась?
Что тайной тоскою вздымается грудь?...

Ты выйдешь развѣять печаль въ чистомъ полѣ—
При краѣ кладбища, подъ сѣнью березъ,
Угасшаго друга страданія въ долѣ,
Увидишь могилу....Источникомъ слезъ

Омоешь безмолвну обитель Услада:
Подружки! я другомъ любима была!
Я друга забыла—горька мнѣ награда:
Я рано, младая, тоской отцвѣла.

И въ родину скоро пѣвецъ возвратился....
Склонившись на свѣтлый источника брегъ,
Свѣтлицы Рогдая въ виду—прослезился,
На память минувшихъ любови утѣхъ.

Окованъ тоскою, унылъ, блѣднолицый,
Усладъ предъ жилищемъ Маріи стоялъ;
И долго во мракѣ тесовой свѣтлицы
Просвѣта лампады полуночной ждалъ.

Мечта ожиданья! нѣтъ въ теремѣ свѣта!...

Но, вонъ — на востокѣ златъ мѣсяцъ
взглянулъ!
И заревомъ блѣднымъ долина одѣта!
И вишязя теремъ нагорный блеснулъ!

И въ теремѣ ясно, какъ утромъ для
взора!
И окна и двери всѣ—настѣжъ стоятъ,
И нѣтъ на зубчатыхъ воротахъ запора:
На петляхъ желѣзныхъ скрыпятъ и стучатъ!

Невольная робость Услада объяла....
Жива ли Марія? Онъ въ страхѣ мечталъ.
Свѣтлица какъ будто безлюдною стала!
Какъ будто сонъ смерти ее оковалъ!

Въ бродъ свѣтлый источникъ Усладъ
переходитъ—
И ухо на стражѣ! на стражѣ глаза!...
Все тихо....Чуть вѣтеръ въ кустарникѣ бродитъ—

Чуть въ дикой полыни стучитъ стре-
коза!...

Молчитъ сладкопѣвецъ, объятый меч-
тами,...
Вдругъ — слышится шорохъ....и кто-то
бѣжитъ....
Изсохшіе листья хрустятъ подъ но-
гами....
Испуганъ—онъ скрыться въ кустарникъ
спѣшитъ.

И въ слѣдъ ему шорохъ! Но ярко луною
Блеснула окрестность—и видитъ пѣвецъ
Подругу Маріи младой предъ собою....
—Небесныя Силы! Спасите! мертвецъ!

Духъ мститель Услада!—воскликнула
въ страхѣ
Прелестная Ольга—и съ блѣднымъ лицомъ
И взоромъ сомкнутымъ простерлась на
прахѣ...

—Что, Ольга, съ тобою?...Зовешь мертвецомъ

И мстителемъ духомъ живаго Услада?—
Но Ольга дрожала какъ листъ на вѣтру....
Крестъ замеръ на груди! Ни рѣчи, ни взгляда!
—Опомнися ,Ольга.—„Услада ли зрю?“

Взоръ Ольга открывши на голосъ знакомый,
Пѣвца вопросила.—Такъ! голосъ, черты
И взоры—Услада. Пѣвецъ! чѣмъ ведомый,
Опять возвратился на родину ты?

Но, добрый Усладъ мой! Уйдемъ.... здѣсь ужасно!
Часъ полночи близокъ„....— и Ольга бѣжитъ!
И къ дѣвѣ—взыванье Услада напрасно!
Примчалась на свѣтлый источникъ.... дрожитъ....

И смотритъ, трепеща, на теремъ
Рогдая....
—Что, Ольга, свѣтлица пугаетъ тебя?
Повѣдай; живали Марія младая?—
—„Марія? свершилась невинной судьба....

Страдалица—въ лучшемъ, небесномъ
селеньи....
Творецъ Милосердный! съ душой не
спросясь,
Марія—младенца въ слѣпомъ заблуж-
деньи,
Почто, обольститель, тебѣ отдалась?...

Усладъ! ни минуты, отсущественный
странникъ,
Твоею Маріей ты не былъ забвенъ,
Но юное сердце—злыхъ опытовъ дан-
никъ,
Познало, но поздно ихъ гибельный плѣнъ.

Марія прельстилась златою парчою
И жемчугомъ снѣжнымъ и лентой цвѣт-
ной ....

Но болѣ, (младенецъ!) прельстилась мечтою:
Въ Россійской столицѣ блистать красотой!

Подружка! обманомъ себя ты ласкала!
Твой жребій былъ брошенъ: Усладу пѣвцу!
Тоска по Усладѣ тебя провожала
Какъ вѣрный и правый сопутникъ къ вѣнцу!

И будутъ ли, другъ мой, отъяты забвеньемъ
Тѣ сладкія чувства, что жизни въ цвѣту,
Твори и земное—Небесъ наслажденьемъ,
Сливались содружно—души въ красоту?..

Едва опустѣла Маріи обитель—
Подружка спозналась съ потребностью слезъ!...
Усладъ! наканунѣ, какъ бракъ-сокрушитель
Страдалицу въ жертву Рогдаю принесъ—

Я вспрѣтился съ нею на брегѣ потока,
Любви и разлуки гдѣ слезы ты лилъ.
Невѣста Рогдая грустна, одинока,
Тоской и раздумьемъ лишенная силъ,

Сидѣла— какъ жертва, на смерть обреченна!...
Ланиты потухли! нѣтъ жизни въ очахъ!
Къ томящейся груди глава приклонена....
И слезы—въ прибрежныхъ мѣшались волнахъ!...

Марія и въ теремъ еще не вступила:
Мечтажь обольститель изчезла какъ сонъ....
И юное сердце тоска подавила,
И дѣва узнала благъ милыхъ уронъ!...

Я къ хижинѣ самой была ей вожатымъ,
—Раздѣлимъ молитву! Марія рекла—
Нѣтъ благамъ возврата, на вѣки отъятымъ!

Для счастья Марія твоя умерла!

Пречистая Матерь! Не мнѣ—заступленье!
Мнѣ...дай покаянье! Мой грѣхъ попуши!
О бѣдномъ Усладѣ—Маріи моленье,
Покинутомъ другѣ безъ мира души! „

На утро къ Маріи дары отъ Рогдая:
Ни сердце, ни взоры не встрѣтили ихъ!...
И брачныя пѣсни ей въ ладъ напѣвая,
Подруги смутились въ весельяхъ своихъ!

Мать взглядомъ и рѣчью Марію ласкала,
Съ желаніемъ счастья сбирая къ вѣнцу—
Ни взгляду, ни рѣчи она не внимала,
И сердца обѣты—Усладу пѣвцу!

Въ часъ брака суровый Рогдай изумился:
Блѣдна при налоѣ, какъ бѣлая ткань,
Стояла Марія...взоръ свѣтлый затмился....

И вздохи твердили сердечную брань!...

И витязь — задумчивъ, съ грозой подозрѣнья,
Дрожащую жертву свою озиралъ;
Но—бракъ совершился!...И сонъ обольщенья
На вѣки для бѣдной Маріи пропалъ!

Усладъ! повторяю: уже не встрѣчалась
Марія съ весельемъ дѣвическихъ лѣтъ,
Съ тѣхъ поръ какъ съ пріютомъ родимымъ разсталась:
Гдѣ золото кормчій—тамъ пристани нѣтъ!

Зайду ли къ ней въ теремъ: страдалица тонетъ
Въ слезахъ безотрадныхъ....нѣтъ мира слѣда,
Въ тѣни незнакомой такъ горлица стонетъ,
Похищенна бурей съ роднаго гнѣзда!

Не рѣдко я—свѣтлой, вечерней порою
Встрѣчала подружку на скатѣ горы,
Поющую пѣсни надъ тихой рѣкою:
(Отъ памяти дружней—послѣдни дары!)

Марію страшила суровость Рогдая!
Онъ страстной любовью подружку любилъ—
Но въ самой любови жестокость питая,
Онъ въ трепетъ не внятный ее приводилъ!

Марія, которой душа отвѣчала
За рѣчи и взоры, смиренна, робка,
Надмѣнныя ласки его принимала—
Не вольно взаимной любви далека!

Ахъ! добрый Усладъ мой! Доселѣ Марія
Утѣха игривыхъ подружекъ своихъ,
На вѣки забыла веселья младыя
И счастья улыбку—въ страданьяхъ нѣмыхъ!

И витязь Маріи замѣтилъ истому....
Угрюмъ, съ подозрѣньемъ въ огнистыхъ очахъ,
И гласомъ, подобнымъ глушащему грому,
Взывалъ онъ: Марія! Что грусть на устахъ

И тяжкіе вздохи—души непогода?...
Марія къ отвѣту и—спихнулъ отвѣтъ!
Окована рѣчи и взора свобода:
Несчастныя страсти въ невольный забѣтъ!...

Недѣля смѣнялась крылатой недѣлью!
Вотъ входитъ въ свѣтлицу въ часъ утра Рогдай!
(Часъ утра—былъ отданъ всегда рукодѣлью.)
—Марія! сказалъ онъ—отеческій край

Ты завтра покинешь, будь въ Кіевъ готова!„
Она поблѣднѣла—какъ снѣгъ молодой....
Искала отвѣта....отвѣтомъ ни слова!
И—хлынули слезы горючей струей!

—Что значатъ, Марія, терзанья и
слезы?
Очами сверкая, Рогдай загремѣлъ;
Къ рукѣ ратоборца ланитныя розы
Прижала Марія—и вздохъ излетѣлъ....

—Для Бога—помедли печальной разлукой
Съ златыми полями отчизны моей!...
Дай прежде сдружиться съ враждеб-
ницей-мукой:
Страдать и увянуть средь чуждыхъ
полей!...

И—слезы омыли желѣзную руку....
Какое бы сердце не вняло мольбѣ
Страдалицы юной? Замедлю разлуку,
Марія, для Бога....Но—горе тебѣ,

Когда не съ полями родными раз-
станье,
Когда не къ подружкамъ и къ родшей
пріязнь—
Коварно питаютъ тоску и стенанье....
Будь пламень—за пламень! Будь замы-
сламъ—казнь!

Рогдай удалился, Марія вздохнула!....
Слеза сокрушенья въ потухшихъ очахъ,
Подъ черной, поникшей рѣсницей блеснула—
Какъ мѣсяцъ въ туманныхъ потока волнахъ!

Въ тоскѣ проходили Маріины ночи—
Съ тоскою встрѣчала она Божій день!
И— сонъ позабыли страдалицы очи!
И всюду мечталась ей дружняя тѣнь!

„Усладъ возвратится въ родныя долины...
Онъ вѣрное сердце мнѣ въ даръ принесетъ....
И—горько оплачетъ жестокость судьбины!
И рано, измѣной, въ душѣ отцвѣтетъ!...

Такъ горькою думой подружка страдая,
Въ слезахъ оживляла пѣвца своего!
И слезы не крылись отъ взоровъ Рогдая!

И ревность-убійца терзала его!

Марія! взывалъ онъ къ подружкѣ порою,
Пылающимъ взоромъ окинувъ ее—
Марія! не кроюсь.... Я страстенъ тобою....
Но—горе, коль сердце въ раздѣлѣ твое!...

Свиданье мирило Услада съ разлукой—
Уже серебрилась шестая луна....
Грозою Рогдая, сердечною мукой,
Зловѣщимъ возвратомъ содружнимъ полна—

О, чудо любови! У оконъ свѣтлицы,
Смѣняя въ раздумье свиданье и страхъ,
До сумраковъ позднихъ съ румяной денницы—
Сидѣла Марія въ горючихъ слезахъ....

Иль взоръ отъ потока недвижный вперяла
Чрезъ волны—къ долинамъ зарѣчныхъ береговъ,

Гдѣ Эхо—Услада свирѣль пробуждала,
Гдѣ видѣнъ твой низкій, соломенный кровъ.

Усладъ! упреждая однажды денницу,
(На утро по встрѣчѣ-твоей съ пастухомъ—)
Нашла я подругу одну, блѣднолицу
На брегѣ потока съ пониклымъ челомъ....

Удѣлъ, я сказала—Услада свершился!...
Вчера приходилъ онъ въ родное село,
Узналъ о замужствѣ твоемъ и—сокрылся!...
Недолго блаженство Услада цвѣло!...

Марія взрыдала....Ахъ! Ангелъ-хранитель!
Исполни живую молитву мою:
Да стихнетъ въ Усладѣ любовь-сокрушитель!
Да сердцемъ забудетъ Марію свою!„

И къ небу очами въ слезахъ устремилась....

Вдругъ, прямо къ намъ, видимъ, на быстрой рѣкѣ
Волна прибѣгаетъ....плеснула, разбилась,
И что-то забыла на свѣтломъ пескѣ.

Смотрю, наклоняюсь къ рѣкѣ, поднимаю....
И—ландышей вижу поблеклыхъ пучокъ,
Сплетенный власами.....Творецъ! понимаю....
Онъ бросился въ шумный, родимый потокъ!...

Въ отчаяньи дикомъ Марія вскричала—
Въ слѣдъ мертвому другу!...Подружка, прощай!...
Къ потоку! Нѣтъ силы....какъ камень упала....
И—вдругъ появился на брегъ Рогдай!

Глядитъ на Марію безчувственну, хладну—
Съ главы вороненый снимаетъ шеломъ,
Волну зачерпаетъ—и влагу отрадну

Лiетъ надъ полмертвымъ подружки
челомъ.

Она проглянула...,Но—взоръ измѣня-
етъ....
Туманенъ—Рогдая не можетъ познать!
Жизнь, радость—простите! Марiя взы-
ваетъ—
Къ Усладу въ пучину—мученья скон-
чать!,,

Кто грознаго ярость опишетъ Рог-
дая?...
Скрежещетъ зубами! Очами блеститъ!
—Усладъ! заревѣлъ онъ, преступница злая!
Кто сей вѣроломецъ?...блѣднѣетъ, дро-
житъ....

Но—горесть въ подружкѣ разсудокъ
запмила....
Жметъ руку Рогдая и вопитъ въ сле-
захъ:
Я болѣе жизни Услада любила....
Я скоро съ нимъ встрѣчусь въ шумя-
щихъ волнахъ!,,

Вскипѣлъ разоборецъ!...Марію младую
Могущей рукою схвативъ поперегъ,
Стремглавъ, дикимъ волкомъ, на гору крутую
Онъ въ грозный свой теремъ съ добычей побѣгъ.

Я слѣдомъ....но—сгибла измѣнница-сила!
Ужъ поздно пустилась я въ путь роковой—
Безмолвенъ былъ теремъ—какъ будто могила!
Свѣтлица Маріи казалась пустой!

Лишь шорохъ дубровный и волнъ трепетанье
Тревожили духъ мой въ часъ позднихъ тѣней....
—Спокой, я молила, Спаситель, не знанье!...
Что сдѣлалъ онъ съ бѣдной Маріей моей?

Три дни на крутую ходила я гору:

Надъ теремомъ враны вилися одни!
—Рогдай и Марія—невидимы взору!
Твердили селяне: знать згибли они!

Одинъ изъ нихъ—движимъ утратою чудной,
Крестомъ оградился и въ теремъ идетъ.
Вошелъ....озираетъ.... тихъ теремъ безлюдной!
Ни слугъ, ни Маріи, ни витязя нѣтъ!

Домашняя утварь, иконы святыя
Изчезли—какъ будто и не было ихъ!
Заглохшіе своды и стѣны пустыя—
Слѣдовъ не видали, казалось, людскихъ.

Съ тѣхъ поръ—все покрыто безвѣстности тмою!
И путь въ грозный теремъ—давно позабытъ!
И странникъ заблудшій, полночной порою
Съ молитвой отъ дому Рогдая бѣжитъ!

Смотря изъ зарѣчья на теремъ, взываетъ

Пророческимъ гласомъ Священникъ села:
Тамъ тѣнь душегубца, тамъ грѣхъ обитаетъ!
Тамъ Божія правда свой судъ изрекла!

А мы—умоляемъ: Небесная сила
Дай мѣсто Маріи въ селеньяхъ святыхъ!—
Мать бѣдной Маріи—тоска умертвила....
Теперь ни разлуки, ни слезъ нѣтъ для нихъ!“

Окончила Ольга. Пѣвецъ молчаливый,
Къ разтерзанной груди приникши главой,
Къ погибшимъ во цвѣтѣ днямъ жизни счастливой,
Носился, казалось, печальной мечтой.

—Ахъ, Ольга! Ужасно Творца испытанье!
Любовію сердце доселѣ цвѣло....
Съ любовью разлука—съ душею разспанье!...
Будь счастлива, Ольга! Путь добрый въ село!

Скажи поселянамъ: Услад҃ъ возвратился!
Онъ ляжетъ въ могилу на мрачной горѣ,
Гдѣ кровью невинной злодѣй обагрился,
Гдѣ пала Марія дней горькихъ въ зарѣ!

Полночь приближалась - окрестность молчала!
Серебряный мѣсяцъ свѣтилъ надъ пѣвцомъ!
Путь въ теремъ товарищь - тоска сокращала;
Приходитъ.... все пусто! Надъ бѣлымъ крильцомъ

Испуганный филинъ захлопалъ крылами,
На кровлю свѣтлицы взлетѣлъ—и завылъ,
Сверкнувъ на Услада большими глазами!
Невольную робость пѣвецъ ощупилъ....

Разбитыя кружки въ листахъ павилики,

Столъ длинный, скамьи, и поставецъ пустой,
Гдѣ прежде стояли Угодниковъ лики,
Въ переднемъ покоѣ свѣтились съ луной:

Здѣсь—шумной трапезой, въ дни двана-десяты,
Селянъ и селянокъ Рогдай угощалъ!
Здѣсь витязь—гордыней и златомъ, богатый,
Хвалы хлѣбодара пирами скупалъ!

Въ покой изъ покоя Усладъ перехо-дитъ—
Все тихо...порою шумѣлъ непопырь!
И признаковъ мрачный пѣвецъ не на-ходитъ,
Что въ теремѣ грозный живалъ бога-тырь!

Вдругъ—лѣстницу видитъ! ступени крутыя
Винтомъ на могучемъ столпѣ обвились—
И звуки: тамъ въ мукахъ угасла Марія!
Въ унылой Услада душѣ отдались!

По звонкимъ ступенямъ онъ входитъ
въ свѣтлицу—
Лучь мѣсяца въ окнахъ разкрытыхъ
игралъ!
Въ мечтаньяхъ Марію онъ зритъ блѣ-
дноличу—
И—голосъ погибшей надъ нимъ просте-
налъ!

Тоскою Услада душа отягчилась....
Задумчивъ—бродилъ онъ въ пустынныхъ
стѣнахъ,
Гдѣ мукою сердца Марія томилась,
Гдѣ жизнь молодая потухла въ слезахъ.

И вотъ—пробудились мечты золотыя...
Онъ воздухомъ съ нею дѣлился однимъ....
И въ сладкой, полночной прохладѣ—
Марія
Невидимой тѣнью носилась надъ нимъ!..

Въ углу—рукодѣлье....платъ, струй-
чатымъ златомъ
Начатый Маріей—не конченъ, испѣлъ!

Въ другомъ—даръ Услада, въ сребрѣ небогатомъ
Ликъ чистыя Дѣвы— смиренно блеститъ....

Въ глубокой истомѣ — онъ снялъ съ цѣлованьемъ
Святую Усладу въ недугахъ души....
Пречистая Матерь! молю—съ упованьемъ:
Будь спутницей въ скорбяхъ до гробной тиши!

Къ окну — утомленный Усладъ склонился....
Чуть слышно— журчала Москва подъ горой....
И берегъ лѣсистый въ волнахъ повторился—
И звѣзднаго Неба шатеръ голубой,

И—сномъ чарованья заснула Природа!...
—Любовь и надежды могила взяла!...
Какъ роза подъ тѣнью, въ златые дни года,
На материнемъ лонѣ Марія цвѣла....

Какъ цвѣтъ безпріютный, забытый росою,
Подъ пламеннымъ солнцемъ—увяла она!...
Здѣсь — съ вѣрной подругой, сердечной тоскою,
Въ мечтаніяхъ страсти сидя у окна,

Въ часъ утра безмолвный, добыча Рогдая,
Уныло смотрѣла въ туманную даль,
И тяжкія вздохи ко мнѣ посылая,
Слезами смягчала убійцу - печаль!...

Здѣсь юную жертву и ночь и денница
У чистой иконы встрѣчали въ мольбахъ....
Здѣсь....Боже великій! быть можетъ, убійца....
Усладъ содрогнулся....Онъ слышитъ въ мечтахъ:

Степанье могилы его окликаетъ!
Гостъ терема тайны, знакомый мертвецъ—

Тоскливъ, въ запустѣлыхъ покояхъ блуждаетъ!...
Невнятнымъ волненьемъ мятется пѣвецъ....

Присутствіемъ тѣни, полночнымъ молчаньемъ
Подвиглись на стражу и взоры и слухъ....
И—тайнымъ исполненъ Усладъ ожиданьемъ,
Внимаетъ....Ни звука,...ни шороха . : . . вдругъ

Подулъ вѣтерочикъ въ прибрежной полянѣ:
Листъ юной березы вдали зажурчалъ,
Стихъ мѣсяцъ огнистый въ набѣгломъ туманѣ,
Окрестности — сумракъ внезапно сковалъ,

И лилій дыханьемъ въ тиши пробѣжало....
Какъ арфы далекой чарующій гласъ—

Въ разбросанныхъ кудряхъ Пѣвца заигралъ....
И видитъ онъ....сладкій, таинственный часъ!

Марію—въ сіяньи румяной денницы!
Какъ упренній облакъ, одѣжда—въ зыбяхъ
Воздушныхъ вилася....призракъ блѣдноличый—
Задумчивъ, съ унылой усмѣшкой въ устахъ,

Съ тоскующимъ взоромъ стремился къ Усладу....
—Марія твоя ли душа отъ высотъ
Небесныхъ селеній, мукъ горькихъ въ награду,
Страданія пальму Усладу несётъ?

Тѣнь друга! повѣдай мнѣ тайну свиданья!...
Велишь ли міръ дольній оставить пѣвцу?
Зовешь ли въ отчизну—стезей упованья,

Къ утѣхамъ небеснымъ, къ благому
Отцу?...

Стихъ окликъ Услада....но духъ без-
отвѣтной,
Рукой на дремучій указывалъ лѣсъ,
Другою—съ улыбкой, позывомъ замѣт-
ной,
Манилъ сладкопѣвца на тайну небесъ!

Потекъ....привиденье — вождемъ по-
летѣло....
Онъ сталъ—и вожатый стоитъ недви-
жимъ....
Моленье во взорахъ его пламенѣло....
И въ тайной дорогѣ Усладъ нерѣшимъ

Но—вотъ ободрился....идетъ съ упо-
ваньемъ
За спутницей свѣтлой изъ терема въ
боръ!
Домъ тмы и призраковъ окинутъ мол-
чаньемъ—
Не видитъ живаго творенія взоръ—

И будто въ могилѣ—все мертво для слуха!
Дубровные звѣри въ дремучей дали,
Послышавъ сопутье безплотнаго духа,
Къ сокрытымъ пріютамъ со страхомъ текли!

Безмолвенъ за блѣдной, летящею тѣнью
Усладъ шелъ смятенный....вдругъ видитъ рѣку
Развѣсистыхъ вязовъ и елей подъ сѣнью....
Тутъ кончилъ путь призракъ — и взоровъ тоску

Святое веселье мгновенно смѣнило....
Онъ небо съ улыбкой пѣвцу указалъ—
И мракомъ внезапнымъ окрестность затмило,
И призракъ — въ воздушной пустынѣ пропалъ.

Въ дремучей дубровѣ Усладъ очутился....

Въ близи путеводный блисталъ огонёкъ!
Идетъ...и блуждавшимъ очамъ появился
Соломой покрытый въ глуши уголокъ,

Забытаго въ мірѣ жильца—обороной!
Дрожащая въ двери толкнулась рука,
И—дверь отворилась....старикъ предъ Иконой
Молился при свѣтѣ глухомъ ночника!..

Спокойно отшельникъ на скрыпъ оглянулся!....
Взоръ пристальный бросилъ на встрѣчу пѣвцу,
Какъ жданому гостю ему улыбнулся
И руку привѣтно простеръ къ пришлецу.

Миръ юношѣ въ тихомъ затворѣ святыни....
Давно возвѣстилъ мнѣ пророческій сонъ
Приходъ твой въ обитель безвѣстной пустыни:
Спокойся! здѣсь вѣренъ страдальца приклонъ!“

Полнъ тайнаго страха и полнъ умиленья,
Усладъ вопрошаетъ: о, старецъ! кто ты?
„Отшельникъ Аркадій! истомой моленья
Грѣховныя міра жену суеты!

На Яузѣ свѣтлой давно я построилъ
Трудомъ одинакимъ святыни пріютъ—
Въ немъ долгую бурю страстей я успокоилъ,
Въ немъ дни мои вѣтхи въ спасеньи текутъ!

О труженикъ юный! душевныя раны
Въ объятіяхъ вѣры со мной позабудь!
Здѣсь миромъ сердечнымъ мы будемъ богаты—
Миръ сердца — къ забвенью минувшаго путь!

Но, странникъ! кто въ дикой, незнаемой сѣни
Аркадія келлью тебѣ указалъ?—“
Сопутье въ дуброву Маріиной тѣни
Отшельнику юный Усладъ разсказалъ—

„Такъ! мнѣ Провидѣнье въ пустынѣ судило
Съ судьбою Марію твою примирить!
На Яузѣ быстрой, надъ тихой могилой
За юную душу погибшей молить....

Внемли: я, съ денницей, на брегъ— коренья
Сбиралъ для трапезы; вдругъ — стоны въ дали....
Иду....и въ минуту съ кончиной боренья
Страдалицу вижу въ крови—на земли....

Послѣдней истомой взоръ ясный смыкался—
И съ смертію прелесть дружилася дѣвъ....
И топотъ въ дубровѣ коня раздавался—
И въ панцырѣ воинъ мелькалъ межъ деревъ—

То были—убійца Рогдай и Марія.
Ланиты блѣднѣли.... смыкались .уста...
И маніемъ дѣва на перси младыя
Звала осѣненье святаго креста!

Я знаменьемъ Бога, дрожащей рукою
Спокоилъ Марію съ сердечной слезой!
—Довольно! вѣщала....миръ сердца со мною....
Молись объ Усладѣ, пришелецъ святой!

Уста онѣмѣли....взоръ началъ смыкаться....
Марія—потухла въ цвѣту бытія!
Но—вотъ начинаетъ заря заниматься:
Ты скоро увидишь могилу ея!"

—Марія! Марія! Усладъ восклицаетъ—
И—живъ твой убійца!...И праведный Богъ
Каратель мъ—громомъ еще замедляетъ!...
Нѣтъ—Божій угодникъ! клянуся у ногъ....

Что въ клятвѣ? Судъ вышній уже оправдался—
И въ казни Рогдая тебя упредилъ:
Конь дикаго волка подъ нимъ испугался
И въ Яузѣ быстрой его утопилъ!

О, юноша! мщенье, грѣховная нужда!

И съ небомъ и съ тратой души примирись!
Избранниковъ воля—отмщенія чужда....
Со мною—за душу убійцы молись!“

—Такъ! Божія благость меня просвѣтила!
Рекъ юноша—старца простершись къ ногамъ—
Любовь и за гробомъ она сохранила!...
Тебѣ, вспоминанью, мольбѣ и трудамъ

Всю жизнь остальную, отецъ мой отнынѣ!—
Заря засвѣтилась—долъ ожилъ и лѣсъ!
Птицъ окликъ раздался въ окрестной долинѣ,
И тѣни зажглися зыбучихъ древесъ;

У Яузы свѣтлой—отшельникъ могилу
Съ крестомъ Кипариснымъ пѣвцу указалъ....
„Смиренны — прославимъ Небесную силу!...

Здѣсь—кости Маріи твоей!“ — онъ вѣщалъ.

Усладъ въ тихой скорби упалъ на колѣна,
Надгробную зелень слезой оросилъ....
—Другъ милый! пусть братамъ—могила замѣна!
Пусть жизнью дѣлиться намъ рокъ не судилъ:

Мы жизнью небесной замѣнимъ земную!...
Твой духъ—путеводецъ меня призывалъ
Къ раздѣлу блаженства, въ отчизну святую....
Велѣнію дружбы небесной я внялъ—

Отнынѣ гласъ смерти—будь гласомъ къ свиданью!
Не будетъ юдольный тяжелъ мнѣ вѣнецъ!
Маріину гробу, души упованью
На радостный, близкій разлуки конецъ,

Труду и молитвѣ — всѣ дни остальные!...

Страдалецъ обрекся на тихій затворъ—
Годъ минулъ—и узы расторгнулъ земные
Аркадій—и спутникъ закрылъ ему взоръ.

Пречистыя дѣвы во имя святое,
На гробъ Маріи—отшельникъ младой
Построилъ часовню—отринулъ земное....
И съ радостной встрѣтилъ могилу душой!

Въ книжныхъ лавкахъ Свѣшникова въ С. Петербургѣ и Москвѣ, продается слѣдующая книга.

Наталья Боярская Дочь, повѣсть въ стихахъ, сочиненіе А. М. 1817. г. съ картиною.—Кому изъ Рускихъ непріятно знать какъ предки его жили въ старинныя годы, ихъ хлѣбосольство ихъ домашніе нравы? Г. Карамзинъ изобразилъ это легкимъ плѣнительнымъ перомъ своимъ въ старинной повѣсти о Натальѣ, Дочери Боярина Матвѣева. Нынѣ предлагается публикѣ таже исторія, но уже передѣланная въ стихи. Авторъ сей послѣдней придерживался выраженій перваго счастливаго писателя Боярской дочери, а потому кромѣ хорошихъ мѣстъ принадлежащихъ одному стихотворству, она должна нравиться читателямъ и тѣмъ, что и первыя красоты ея удержаны. въ бум. 3 руб.

LIBRARY OF CONGRESS

00025251179